

УДК 947.6 "1920-1930":323.1

Естественное движение населения белорусско-российско-украинского пограничья во второй половине 1920-х – 1930-е годы

М. И. СТАРОВОЙТОВ

Историю Беларуси нельзя понять, оставаясь только в категориях и проблемах национального государства. Важным инструментом для исследования особенностей и специфики отечественной истории является сравнительно-аналитический метод, который мы используем в изучении выделенного трансграничного региона – белорусско-российско-украинское пограничье (БРУП). В первые два десятилетия Советской власти в БРУП, как и во всей стране, произошли изменения в политическом, социально-экономическом, культурном развитии, вызванные мобилизационной трансформацией всех сторон жизни общества. Они оказали существенное влияние на демографические процессы как в регионах, так и в республиках бывшего СССР.

Изучение монографических исследований и статей дает основание отнести проблему количественных и качественных изменений в составе населения межграничного региона в сложные и трагические 1920-1930-е годы к наименее разработанной не только в белорусской, но и в российской и украинской историографии. Более того, сравнительное изучение данной проблемы на материалах такого большого региона не проводилось. Вместе с тем, следует отметить о наличии обобщающих работ и статей белорусских обществоведов, в которых дается характеристика демографических процессов в составе населения БССР в большей или меньшей степени и в межвоенный период. Это имеет место в работах экономистов А. А. Ракова [34, 35, 36], Н. Г. Никитенко и А. А. Ракова [27], Л. П. Шахотько [43, 44], недавно изданной коллективной монографии сотрудников Института экономики НАН Беларуси [9], этнографов Г. И. Касперович [20, 21] и В. Ф. Батяева [3], историка В. А. Латышевой [23], частично эти вопросы затрагивает историк И. Романова [37], освещал географ С. А. Польский [31] и др. Более полно, но политизировано, проанализировал демографические проблемы БССР польский географ П. Эберхардт [46]. Существенный вклад в изучение количественных и качественных изменений в составе населения России, в т. ч. и в рассматриваемый нами период, внес коллектив российских историков под руководством Ю. А. Полякова, который обратил внимание на то, что изучение различных аспектов жизнедеятельности населения России XX в. связано с трудностями, обусловленными частыми изменениями территории, административного деления, границ многочисленных регионов [25, с. 4]. Первый масштабный опыт осмысления противоречий демографической истории России XX в. представлен в коллективном исследовании под руководством крупнейшего российского демографа А. Г. Вишневского [8]. Особо следует выделить фундаментальную монографию В. Б. Жиромской. Впервые в постсоветской историографии она показала демографические процессы в 1930-е годы целом по РСФСР в сравнении с отдельными показателями и по СССР [16]. Демографические проблемы российского города исследует И. А. Араловец [1]. Украинский экономист Е. П. Рудницкий отнес проблему демографической истории Украины 30-х годов XX в. к числу малоизученных, хотя и отмечает определенный вклад в ее разработку С. В. Кульчицкого, А. А. Перковского, С. И. Пирожкова и других исследователей [38]. Следует отметить, что в исследованиях указанных авторов сравнительный анализ если и присутствует, то в основном на внутриреспубликанских уровнях, т. е. в соответствии с целями и задачами их работ.

Компаративистский анализ позволяет, на наш взгляд, более аргументированно и адекватно показать специфику и тенденции демографических изменений. Для получения достоверных результатов нами принята следующая методика. При проведении расчетов учитыва-

лись изменения в административно-территориальное деление российской и украинской составляющих пограничья. В выявленных архивных материалах по демографическому учету населения и по данным переписи 1939 г. указаны административные единицы, существовавшие на момент составления документов. Поскольку области в БССР были созданы только в 1938 г., то информация и отчетность о естественном движении населения до этого времени собиралась и давалась только в целом по республике. В связи с этим, нами приводятся и областные, и общереспубликанские данные. Это позволило, на наш взгляд, выявить некоторые тенденции и особенности в динамике естественного движения населения БРУП.

В статье ставится задача показать динамику естественного движения, общие тенденции и специфику демографических изменений в составе городского, сельского и всего населения БРУП и, главным образом, БССР. Представляется, что выявленный нами значительный по годовому, а не фрагментарный архивный материал, имевший еще недавно гриф «совершенно секретно», позволяет с высокой долей вероятности дать научную интерпретацию тенденциям в данном аспекте количественных изменений населения БРУП. Практически все выявленные нами данные вводятся в научный оборот впервые (все процентные показатели подсчитаны автором). Ещё в 1975 г. Л. П. Шахотько писала, что «официальные данные ЦСУ по естественному движению населения после 1927 г. не публиковались, а архивные материалы ЦСУ БССР, за исключением некоторых разрозненных, пропали в годы войны» [45, с. 9]. Известный исследователь украинского этноса В. М. Кабузан на основании анализа опубликованных работ вынужден был признать в 2006 г., что пока не удалось найти полные данные о движении населения Украины за 1932-1935 гг. [19, с. 303]. Нам представляется, что мы во многом восполним этот пробел.

В свое время М. В. Довнар-Запольский отмечал, что «... в вопросах движения населения громадное значение имеет естественный его прирост, потому что он является отражением экономического и культурного состояния населения» [11, с. 10]. Это с особой остротой проявилось в исследуемый нами период.

Изучение опубликованных источников и архивных документов показывает, что заболеваемость и смертность, особенно детская, в БРУП, как и во всей стране, оставались очень высокими на протяжении 1920 – 1930-х годов. В апреле 1926 г. Президиум Совета Национальностей ЦИК СССР по докладом наркоматов здравоохранения констатировал высокий уровень заболеваемости, тяжелое медико-санитарное положение в республиках. В белорусских деревнях и местечках в огромном большинстве были распространены туберкулез, трахома, отчасти малярия и другие социальные болезни. Речь шла о выделении финансовой помощи для строительства больниц, бань, жилищного строительства, улучшения водоснабжения, осушения болот, усиления школьно-санитарного контроля, строительство новых школьных зданий [32, ЛЛ. 30-32]. В особо тяжелом положении находилось состояние здравоохранения в районах добывающей промышленности и пограничной полосы УССР [32, ЛЛ. 39-41]. Это требовало больших средств для решения аналогичных, как и в БССР, проблем.

При высокой смертности прирост населения происходил за счет высокой рождаемости, которая после военных и революционных лет достигла своего пика в БРУП и во всей стране в 1926-1927 гг. Б. Ц. Урланис, указывая на трудности изучения динамики численности населения и по статистическим данным, и по сопоставлению территорий межвоенного периода, установил, что после 1926 г., когда в СССР был самый высокий коэффициент «эффективной» рождаемости (32,1), а затем началось постепенное его понижение. В 1939 г. он составил 26,7 при самом низком показателе в 1931 – 1935 гг. (примерно – 23,0) [42, с. 8, 11-12]. Он считал, что динамику рождаемости следует изучать с учетом не только детской смертности до года, но и в возрасте от 1 года до 5 лет (1–4 года), после чего «смертность детей становится незначительной» [42, с. 15]. Высокой была смертность среди взрослого населения. В целом по СССР смертность среди мужчин больше всего превышала смертность женщин в возрасте от 50 до 60 лет. Как в 1926 – 1927 гг., так и в 1938 – 1939 гг. она оставалась высокой [10, с. 39]. По всем этим показателям некоторые отличительные особенности имелись в республиках.

В БССР в 1926 – 1927 гг. среди умерших дети до года составляли около 28,0%, от года до 4 лет и 60 лет и старше – по 20,0% [26, с. XL]. В УССР первый показатель составил

33,0%, 1 – 4 года – более 20,0%. По нашим подсчетам, из общего числа умерших до года 66,1% приходилось на Полесье, Левобережье и Правобережье, куда входила значительная часть территории погранполосы и округов белорусско-российского приграничья [41, с. 62-63, 66, 68]. Примерно такие же высокие показатели смертности в указанных возрастах по Европейской части РСФСР, УССР и БССР в 1926 г. представлены и в статданных естественного движения в СССР. На 1000 родившихся смертность до 1 года составила в Западном районе 175 детей, в УССР – 141, в БССР – 102 ребенка. БССР и Крымская АССР имели самый низкий показатель в стране. Несмотря на снижение детской смертности, в 1926 г. СССР в 1,7 – 3 раза отставал от уровня западноевропейских стран [15, с. 21-24].

Из 26 причин, приведших к смерти в 1926 г. в РСФСР, УССР, БССР, Москве, Ленинграде, в городах с населением свыше 50 тыс. чел. наиболее распространенными были туберкулез, воспаление легких, кишечные заболевания у детей до 2-х лет, врожденная слабость и преждевременные рождения [15, с. 25].

Нельзя не согласиться с оценкой О. В. Барояна ситуации в области борьбы с эпидемиями в рассматриваемый нами период. Еще в 1968 г. он писал, что необходимо было ликвидировать тяжелое эпидемическое наследие дореволюционной России. В период с 1922 по 1940 г. в основном создавалась материально-техническая база для научно обоснованного и организованного наступления на инфекции. При положительных результатах имели место подъем заболеваемости, вызванный сложными миграционными процессами и социальными изменениями в деревне, развитие и распространение многих инфекционных заболеваний, связанных с гиперурбанизацией городов. Использование в пропагандистских целях такой благородной цели, как борьба с эпидемиями привело к тому, что в 1930-е годы публикация обзоров по динамике инфекционных заболеваний в различных странах мира, в т. ч. и в СССР, прекратилась [2, с. 10, 31]. Такая информация на долгие годы получила гриф строгой секретности.

Высокая смертность очень сильно влияла на демографическую ситуацию в 1930-е годы. Наиболее распространенными причинами смерти и у детей, и у взрослых по-прежнему были: туберкулез, болезни органов дыхания, инфекционные заболевания у детей и взрослых, диарея и диспепсия у детей до 2-х лет и мн. др. [16, с. 24-25]. Проведенный В. Б. Жиромской анализ архивных документов показал, что ситуацию со смертностью во всех половозрастных структур населения усугубили последствия голода, травматизм на производстве у мужчин и криминальные аборты у женщин после запрета в 1936 г. искусственного прерывания беременности. Последняя причина смертности в основном коснулась славянских женщин, проживающих в городах [16, с. 28-29].

Начиная с 1935 по 1937 гг. в СССР, в т. ч. и в БРУП (16, с. 232-263. см. таблицы), имели место вспышки детских инфекционных заболеваний (корь, скарлатина, дифтерит, коклюш). Смертность от кори в эти годы выросла на 1/3 по сравнению с началом 1930-х годов. Заболевание детей в 1937 г. корью в секретном донесении правительству «рассматривалось как «фактическая эпидемия», охватившая в основном города» [16, с. 25]. По уровню детской смертности в середине 1930-х годов СССР занимал «одно из первых мест в Европе, далеко опережая по этому печальному показателю Германию, Францию, Англию, Италию» [16, с. 28].

В докладной записке НКВД В. М. Молотову 15 марта 1937 г. отмечалось, что в конце 1936 г. на 18-25 % в городах и на 27-35% деревнях Ленинградской, Московской, Западной, Калининской и других областей РСФСР не используются койко-места в больницах для лечения скарлатины, дифтерита и кори. Самые высокие показатели смертности от кори зафиксированы в Ленинграде, Москве, Ярославле, Иркутске, Минске, и самые низкие – в Киеве, Харькове, Днепрпетровске, Макеевке и других украинских городах. Отмечалось недостаточная работа Наркомздрава по сокращению смертности. В пояснении к этой докладной записке начальник ЦУНХУ Госплана СССР И. А. Краваль написал, что запрещение абортов приведет к повышению рождаемости, но Наркомздраву необходимо принять соответствующие меры к снижению детской смертности во избежание ее повышения, а, следовательно, и роста общей смертности в стране [13, ЛЛ. 45-47]. Очевидно, угроза эпидемии существовала.

В секретной информации в ЦК КП (б) Б и СНК БССР, поступившей из УНХУ республики 8 февраля 1937 г., отмечался рост (особенно в городах) детской смертности в 1935 г. и

за 9 месяцев 1936 г. Смертность от скарлатины выросла на 63,0%, от кори – на 42,0%, а от кишечно-желудочных заболеваний по всем возрастам – на 144,0%. По нашим подсчетам на 1000 родившихся смертность детей до года увеличилась за указанный период с 84,0 до 115,3 [13, ЛЛ. 4-6]. Руководство ЦУНХУ Госплана СССР признавало, что в 1935 – 1938 гг. наиболее полный учет детской смертности до года был в РСФСР, УССР и БССР. Коэффициент детской смертности в БССР был одним из самых низких в СССР. В 1936 г. в РСФСР он составил 209,6, в УССР – 124,6, в БССР – 120,0, а в 1938 г. соответственно – 179,4, 136,3 и 107,5. Выборочные обследования показали, что вероятность новорожденному дожить до года в Ленинграде, Москве, Смоленске в 1936 – 1938 гг. оставалась на уровне 0,85 и только в Орле этот коэффициент поднялся с 0,79 до 0,85 [40, ЛЛ. 119, 122-123]. По данным демографического отдела ЦУНХУ СССР, наиболее благоприятная динамика детской смертности в 1937 – 1938 гг. имела в БССР. В РСФСР и УССР детская смертность была высокой до 1 месяца. Основными причинами детской смертности были: плохой уход за детьми, плохое питание, недостаточное обучение матерей правилам ухода за детьми, инфекции от мух, плохой уход за больными детьми со стороны медработников, недостаточное количество специалистов и плохое обслуживание яслей [40, ЛЛ. 128-129, 132, 135]. Из рассекреченных документов видно, что СССР в 1938 г. коэффициент детской смертности составил 161,3. По данным Лиги Наций, в Голландии он равнялся 38, в Швеции – 46, Латвии – 56, Англии – 58, США – 61, Франции – 65, Бельгии – 80 [40, Л. 125]. Следовательно, СССР по-прежнему в 2-4 в разы уступал целому ряду стран по этому показателю.

Количество умерших детей до года постоянно росло. Увеличивался их удельный вес в общей смертности всего населения. В 1938 – 1939 гг. он составил в СССР 34,6-35,4%, а в РСФСР – 35,4-36,5% [16, с. 23]. По данным на 1938 г. в УССР этот уровень достиг 36,6%, а в БССР – 29,3% [18, ЛЛ. 3, 43]. В БССР показатель был самый низкий, как и в середине 1920-х годов. На наш взгляд, это можно объяснить минимальными последствиями голода начала 1930-х годов в белорусских деревнях. Анализ данных, выявленных нами в архиве за 1938 г., дает возможность сравнить составляющие БРУП по областям, формирование которых в регионе закончилось в основном именно в этом году. Урбанизация, с ее нерешенными социально-бытовыми и коммунальными вопросами, привела к росту детской смертности в белорусских городах. Удельный вес младенческой смертности в городах Витебской области на 7% превышал показатель по селу, в Гомельской и Минской – на 3 в каждой, Могилевской – на 6 и Полесской – на 1 при общереспубликанской разнице – 4,5% [18, ЛЛ. 43-60]. В Калининской области превышение составило 4,5%, в Смоленской – 2,2, а по РСФСР – 0,8% [28, ЛЛ. 3, 9, 15]. Иная ситуация сложилась в УССР, где в целом по республике и по областям превышение было в сельской местности. Общереспубликанская разница составила около 2%, в Житомирской области – 5,4, в Киевской – более 7 и в Черниговской – 2,3% [18, ЛЛ. 1-3, 13-15, 19-21, 40-42]. Есть все основания считать, что наиболее долгосрочный характер последствий голода ощущался в УССР, и, прежде всего, в сельской местности. Это подтверждается и фактами мертворождения на 1 000 всех родившихся по областям БРУП в 1938 г. в порядке убывания величин: Киевская, Черниговская, Житомирская, Калининская, Смоленская, Могилевская, Минская, Гомельская, Витебская и Полесская [18, ЛЛ. 3, 24об, 40об, 45об, 56об, 58, 59об, 61, 63об].

После младенческой смертности на второе место выступает смертность детей от 1 года до 4 лет. На основании данных переписи 1939 г. нами установлено, что удельный вес детей 5-летнего возраста (их рождение приходится на 1933 г.) был самый низкий в украинских областях пограничья, затем шли российские и белорусские области [5, л. 1, 7, л. 1, 17, л. 1, 22, л. 1, 24, л. 1, 30, л. 1, 39, л. 1, 45, л. 1].

О наметившейся тенденции планирования рождаемости в крестьянских семьях можно судить по данным отдела демографии ЦУНХУ СССР. В июле-сентябре 1939 г. по сравнению с аналогичным периодом 1938 г. наблюдается сокращение рождаемости в сельской местности большинства областей РСФСР, УССР и БССР, при оставшейся высокой детской смертности. В трех республиках за сопоставимый период число родившихся уменьшилось с 1 355 тыс. до 1 159 тыс. [40, Л. 114]. Сокращение составило 14,0 %. Женщины стали основным трудовым ресурсом села. Их руки еще больше стали востребованными в горячую «стра-

ду». Приходило, хотя и медленное, осознание того, что плохой уход, нерегулярное и некачественное кормление, повышали младенческую смертность от желудочно-кишечных инфекций именно в это время. Она оставалась устойчивой. В указанных выше данных отмечалось, что Наркомздрав СССР не борется с детскими сезонными заболеваниями. За июль-сентябрь 1939 г. рост детской смертности отмечен в 6 областях РСФСР, в Каменец-Подольской и других областях УССР. По БССР наиболее неблагоприятные показатели проявились в Полесской и Могилевской областях. Здесь рост детской смертности составил соответственно 25,0% и 22,0% при 14,0% снижения рождаемости в обеих областях [40, Л. 115]. Только в конце 1950-х годов детская смертность до 1 года на 1000 родившихся снизилась более чем в 4 раза и составила 40,6. Резкое снижение детской смертности специалисты связывают с применением в здравоохранении сульфамидных препаратов и антибиотиков, главным образом пенициллина. Это понизило смертность и в других возрастных группах [10, с. 39].

Показатели детской смертности и смертности белее старших возрастов существенно сдерживали средний показатель продолжительности жизни населения в исследуемый нами период. В 1896 – 1897 гг. по 50 губерниям Европейской России он составил 32 года, по европейской части СССР в 1926 – 1927 гг. – 44 года, в 1928 – 1939 гг. – 47 лет и к началу 1970-х вырос до 70 лет [10, с. 48]. Как видим, постоянно нарастал уровень продолжительности жизни у женщин по сравнению с мужчинами. С конца XIX в. и до начала 1970-х годов разница в продолжительности жизни в пользу женщин увеличилась с 2 до 9 лет. В 1920 – 1930 е годы средняя продолжительность жизни населения увеличилась только на 3 года

При общих тенденциях в изменениях естественного прироста населения в БРУП имелись и свои особенности. Рассмотрим это на конкретных материалах.

Таблица 1 – Естественное движение населения БССР в 1927 – 1938 гг. (абс.)

Годы	Городское			Сельское			БССР		
	Родилось	Умерло	Прирост	Родилось	Умерло	Прирост	Родилось	Умерло	Прирост
1927	24 907	10 081	14 826	169 726	60 852	108 874	194 633	70 933	123 700
1928	24 505	10 651	13 854	162 019	61 984	100 035	186 524	72 635	113 889
1929	23 301	11 152	12 149	155 672	66 186	89 486	178 973	77 338	101 635
1930	24 406	12 165	12 241	159 604	63 836	95 768	184 010	76 001	108 009
1931	24 327	12 251	12 076	159 125	51 578	107 547	183 452	63 829	119 623
1932	24 470	12 080	12 390	133 467	43 841	89 626	157 937	55 921	102 016
1933	18 986	17 636	1 350	104 919	49 337	55 582	123 905	66 973	56 932
1934	18 982	14 358	4 624	90 809	54 890	35 919	109 791	69 248	40 543
1935	26 380	11 094	15 286	126 467	58 865	67 602	152 847	69 959	82 888
1936	32 587	13 762	18 825	144 292	64 057	80 235	176 879	77 819	99 060
1937	47 132	14 676	32 456	146 622	52 386	94 236	193 754	67 062	126 692
1938	48 884	18 893	29 991	140 719	52 155	88 564	189 603	71 045	118 555

Таблица 1 [40, лл. 34,37; 18, лл. 43-45] показывает основные демографические изменения в составе городского, сельского и всего населения БССР, позволяющие выделить некоторые тенденции.

Первая. В течение всего периода между переписями наблюдался прирост населения, хотя и с разными годовыми показателями, что в значительной степени связано с продолжавшей оставаться высокой рождаемостью у белорусов. В сельской местности проживало большинство жителей БССР, среди которых белорусы в 1939 г. составляли 91,0%.

Вторая. Последствия голода и другие причины повлияли, но не прервали естественный прирост всего населения. Особенно это проявилось в городах, где прирост городского населения в 1933 г. (самой минимальный, образно выражаясь на грани возможного) был почти в 10 раз меньше, чем в предыдущие годы, а в 1934 г. – в 2,8 раза. В сельской местности прирост уменьшился, соответственно, примерно в 2 и 3 раза, а в целом по БССР – в 2-2,5 раза. Из таблицы видно, что резкого роста смертности (кроме городов в 1933 г.) в целом по БССР не было. В 1933-1934 гг. снизилась рождаемость и смертность в деревне.

Третья. Увеличение городского населения привело к росту рождаемости и повышению естественного прироста горожан во второй половине 1930-х годов. Сказалось запрещение абортов, рост браков в городах, улучшение медицинского обслуживания. Однако из-за детской смертности общий показатель смертности в городах во второй половине 1930-х годов стал увеличиваться и достиг максимума в 1938 г.

Четвертая. Показатели в сельской местности понизились, т. к. количество браков, рождаемость, смертность и прирост населения стали уменьшаться из-за сокращения численности населения молодого возраста. Так, в 1938 г. горожане заключили 16,6 тыс. браков, а жители села – 19,3 тыс. В Витебской области количество браков было примерно одинаково, а в Минской и Могилевской областях на селе зарегистрировали меньше браков, чем в городах [18, л. 44-45]. Это свидетельствует о большом оттоке сельской молодежи в города на работу и учебу внутри республики и за ее пределы. По аналогичным причинам, а также в связи со службой в армии, работой на шахтах Донбасса, репрессивной политикой определенная часть их выбыла за пределы Беларуси. Так, в 1939 г. среди городского населения Беларуси лица в возрасте 15-29 лет составляли 35,3 %, а на селе – 24,7 % [4, л. 5]. По нашим подсчетам, за два года между переписями 1937 и 1939 гг. в городах с населением свыше 50 тыс. чел. общая численность горожан увеличилась на 113 763 чел., в т. ч. в Минске – на 41 681 чел., Витебске – на 26 041 чел., Гомеле – на 13 717 чел., Могилеве – на 20 377 чел., Бобруйске – на 11 947 чел. Естественный прирост в указанных городах дал около 26 тыс. чел. (23%), а примерно 88 тыс. составил механический (77%). Абсолютное большинство из прибывших составляли лица молодого и среднего возраста белорусских сел и частично из соседних российских и украинских. Меньшую часть составляли рабочие, ИТР и служащие из городов союзных республик [6, с. 66; 4, Л. 2]. В Мозыре численность горожан увеличилась с 13,5 до 17,5 тыс. чел. [40, Л. 71; 49, Л. 2]. Только в аграрной и отсталой Полесской области (88,8 % сельского населения) в городах заключили 866 браков, а на селе – 2 821, т. е. в 3,3 раза больше. [18, ЛЛ. 59. 60]. В 1939 г. 74,9 % городских семей БССР состояло уже из 2-4 чел., проживавших совместно, а сельской местности таких семей было только 56,2 %. Разница почти в 20,0 %. По типу воспроизводства населения белорусское общество оставалось традиционным, т. к. удельный вес детей и подростков до 15 лет составил 37,7 % (29,6 – в городе и 40,3 – в деревне) [4, ЛЛ. 5-6].

Учитывая, что основной массив области составляли Смоленщина и Брянщина (российские пограничные территории БРУП), мы считаем возможным рассматривать динамику численности населения, хотя многие тенденции трудно выявить, т. к. Западная область с более-менее стабильной территорией просуществовала только восемь лет. Из таблицы 2 [40 лл. 34,37; 18, лл. 43-45] видно, что за это время наметилась устойчивая тенденция к уменьшению рождаемости в сельской местности. При мало понижающейся смертности наблюдалась устойчивая тенденция к сокращению естественного прироста сельского населения. Колебание рождаемости и небольшое уменьшение смертности не привели к значительному приросту населения в селах Калининской, Орловской и Смоленской областей за 1936-1938 гг. Есть все основания считать, что последствия голода увеличили смертность в городах Западной области в 1933 и 1934 гг., а в сельской местности – в 1934 г., когда смертность превысила рождаемость. В целом по области в 1934 г. это превышение составило 8,6 тыс. чел. Как видно из таблицы 2, последствия голода и указанные выше причины смертности детей и взрослых не способствовали стабильному и постоянному естественному приросту ни сельского, ни городского населения и во вновь созданных областях российской составляющей пограничья.

Определенные затруднения в сопоставлении данных по украинской составляющей БРУП связаны с выделением в 1937 г. из состава Киевской и создания самостоятельной Житомирской области. Тем не менее, данные таблицы 3 [40, ЛЛ. 31-32] дают основание считать, что Киевская область наиболее всего пострадала от последствий голода 1932-1933 гг. Показатель превышение смертности над рождаемостью был самый высокий в УССР. До расформирования Киевской области естественный прирост так и не компенсировал эти страшные потери. Два года – 1933 г. и 1934 г. – смертность превышала рождаемость и в Черниговской

области. Есть основания считать, что только в этих двух областях УССР по два года подряд

Таблица 2 – Движение населения Западной*, Калининской, Орловской и Смоленской областей в 1927 – 1938 годах (абс.)

Область, губерния	Все население			Городское			Сельское		
	Родилось	Умерло	Прирост	Родилось	Умерло	Прирост	Родилось	Умерло	Прирост
	1927г.								
Псковская губ.	70 136	36 692	33 444	4 164	2 655	1 509	65 972	34 037	31 935
Смоленская губ.	93 842	42 622	51 220	5 536	3 052	2 484	88 306	39 570	48 736
Брянская губ.	95 492	40 617	54 875	9 682	4 321	5 361	85 810	36 296	49 514
	1928г.								
Западная обл.	265 819	124 488	141 331	19 795	10 477	9 318	246 024	114 011	132 013
	1929г.								
Западная обл.	248 895	136 876	112 019	18 669	11 085	7 584	230 226	125 791	104 435
	1930г.								
Западная обл.	251 395	120 603	130 792	19 545	11 063	8 482	231 850	109 540	122 310
	1931г.								
Западная обл.	245 587	117 410	128 177	20 093	12 788	7 305	225 494	104 622	120 872
	1932г.								
Западная обл.	204 344	106 440	97 904	20 385	13 436	6 949	183 959	93 004	90 955
	1933г.								
Западная обл.	169 412	114 072	55 340	14 825	17 412	-2 587	154 587	96 660	57 927
	1934г.								
Западная обл.	121 898	130 467	-8 569	12 460	18 681	-6 221	109 438	111 786	-2 348
	1935г.								
Западная обл.	126 144	71 635	54 509	17 477	9 633	7 844	108 667	62 002	46 665
	1936г.								
Калининская обл.	84 700	68 213	16 487	14 887	10 265	4 622	69 813	57 948	11 865
Орловская обл.	131 734	60 606	71 128	19 067	10 068	8 999	112 667	50 538	62 129
Смоленская обл.	82 559	47 147	35 412	9 688	5 226	4 462	72 871	41 921	30 950
	1937г.								
Калининская обл.	107 027	58 984	48 043	24 851	10 861	13 990	82 176	48 123	34 053
Орловская обл.	127 955	58 208	69 747	24 029	10 587	13 442	103 926	47 621	56 305
Смоленская обл.	94 084	42 602	51 482	15 031	5 809	9 222	79 053	36 793	42 260
	1938г.								
Калининская обл.	98 790	65 653	33 137	24 238	14 764	9 474	74 552	50 889	23 663
Орловская обл.	133 847	54 654	79 193	23 120	11 602	11 518	110 727	43 052	67 675
Смоленская обл.	90 587	45 717	44 870	14 862	8 026	6 836	75 725	37 691	38 034

Примечание: *) – так территория Западной области представлена в документе, а фактически она существовала с октября 1929 по сентябрь 1937 гг. в составе Брянской, Калужской, Смоленской и частично Тверской губерний; (-) – отрицательный прирост населения

смертность превышала рождаемость. Несмотря на трагические последствия голода 1933-1934 гг., Черниговская область в 1937-1938 гг. с небольшим превышением достигла показателей естественного прироста населения 1927-1928 гг. Во всей УССР естественный прирост в 1937 г. превысил показатель 1927 г., но это, очевидно, следует связывать с запретом на аборты в 1936 г.

Таблица – 3 Движение населения пограничных областей Украины в 1927 – 1936 гг. (абс.)

Годы	Киевская область			Черниговская область			Украинская ССР		
	Родилось	Умерло	Прирост	Родилось	Умерло	Прирост	Родилось	Умерло	Прирост
1927	232,2	104,6	127,6	105,5	54,6	50,9	1 184,4	522,6	661,8
1928	219,5	99,9	119,6	101,2	50,9	50,3	1 139,3	495,7	643,6
1929	214,0	106,9	107,1	100,4	53,8	46,6	1 081,0	538,7	542,3
1930	206,2	115,0	91,2	86,7	47,2	39,5	1 023,0	538,1	484,9
1931	185,0	103,9	81,1	89,0	49,0	40,0	975,3	514,7	460,6
1932	141,3	161,3	-20,0	72,6	58,2	14,4	782,0	668,2	113,8
1933	78,0	495,4	-417,4	50,7	117,3	-66,6	470,7	1 850,3	-1 379,6
1934	97,7	88,8	8,9	37,8	64,3	-26,5	571,6	483,4	88,2
1935	147,2	57,5	89,7	63,6	33,2	30,4	759,1	341,9	417,2
1936	169,4	66,8	102,6	79,0	37,2	41,8	895,0	361,3	533,7
1937	116,8	38,1	78,7	91,3	36,5	54,9	1 214,0	428,4	785,6
1938	111,4	38,9	72,5	88,3	37,0	51,3	1 106,1	431,7	674,4

Примечание: *) – (-) отрицательный прирост населения

Таблица – 4 Движение населения пограничных областей Украины в 1937 – 1938 гг. (абс.)

Области	Родилось			Умерло			Естественный прирост		
	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего
1937 г.									
Житомирская	11,4	58,6	70,0	3,7	17,8	21,5	7,7	40,8	48,5
Киевская	14,1	102,7	116,8	4,4	33,7	38,1	9,7	69,0	78,7
Черниговская	12,3	79,1	91,3	4,4	32,1	36,5	7,9	47,0	54,9
УССР	404,4	809,6	1214,0	155,8	272,6	428,4	248,6	537,0	785,6
1938 г.									
Житомирская	12,5	53,0	65,5	5,0	21,0	26,0	7,5	32,0	39,5
Киевская	12,9	98,5	111,4	5,1	33,8	38,9	7,8	64,7	72,5
Черниговская	13,1	75,2	88,3	5,4	31,6	37,0	7,7	43,6	51,3
УССР	377,5	728,5	1106,1	159,5	272,2	431,7	218,1	456,3	674,4

Из таблицы 4 [40, Л 32] видно, что в 1937-1938 гг. в украинских областях БРУП и в целом в УССР наметилась тенденция к сокращению естественного прироста и сельского, и городского населения. Это связано с незначительным приростом рождаемости в городах, начавшимся снижением ее в сельской местности и в целом стабилизировавшемся уровне смертности.

Даже такой краткий анализ представленного материала позволяет сделать следующие выводы. Приведенные во всех таблицах данные свидетельствуют, что в 1927-1931 гг. в БРУП смертность тоже была высокой, что, на наш взгляд, надо учитывать при изучении влияния голода на смертность населения в 1930-е годы. В целом во второй половине 1930-х годов причины смерти и детей, и взрослых оставались в основном теми же, что и во второй половине 1920-х годов: социальные и инфекционные болезни. Голод, репрессии и их последствия резко обострили ситуацию в УССР, многих районах СССР, что, наряду с другими причинами, и привело к высокой смертности населения. Последствия голода, очевидно, не являлись главной причиной роста смертности в 1933-1934 гг. в городах БССР. В белорусских деревнях

и в целом по республике этот показатель оставался в основном стабильным на протяжении 1920-1930-х гг., с некоторой тенденцией к понижению в деревнях и повышению в городах. Последствия форсированной индустриализации и урбанизации, принудительной коллективизации и связанным с ней голодом, репрессивные меры против миллионов граждан, недостаточный уровень развития медицины и всей системы здравоохранения, низкий уровень материального и социального благосостояния, общей и гигиенической культуры абсолютного большинства населения, другие факторы существенно влияли на естественный прирост населения. В целом в БРУП наблюдался естественный прирост населения, хотя и наметилась тенденция к его снижению. Наиболее трагические последствия голода очевидны в украинских областях пограничья, когда смертность населения Киевской области в 1932-1933 гг., а Черниговской в 1933-1934 гг. в разы превышала рождаемость. Есть основания считать, что по причине голода естественный прирост населения прерывался в Западной области. В меньшей степени голод повлиял на демографическую ситуацию в БССР. При постоянном приросте всего населения эти последствия оказались менее ощутимыми, т. к. резкого подъема смертности в целом не наблюдалось. Во второй половине 1930-х годов стала устойчивой тенденция к уменьшению естественного прироста населения в сельской местности и к увеличению его в городах БССР. Двукратные изменения территории областей российской составляющей БРУП затрудняют сделать обоснованный вывод, но можно считать, что такая тенденция в конце 1930-х годов здесь тоже намечалась. В украинских областях пограничья и в целом по УССР в конце 1930-х годов как в городах, так и в селах наметилась тенденция к снижению естественного прироста населения, что в значительной степени следует связывать с долгосрочными последствиями голода. На наш взгляд, две проблемы – миграционные процессы (добровольные, оргнаборы, репрессии, спецпереселения и др.) и последствия голода, которые существенно повлияли на динамику численности населения региона, требуют специального кропотливого исследования. Это позволит сравнить естественный и механический приросты населения БРУП и сделать аргументированные выводы по общей динамике численности населения региона и, первую очередь, в БССР.

Резюме. Впервые в белорусской историографии на основании новых архивных данных главные составляющие демографического процесса (рождаемость, смертность и естественный прирост населения) рассматриваются в динамике. Проведенный сравнительный анализ этого процесса на материалах белорусско-российско-украинского пограничья позволяет с большей адекватностью осветить и лучше понять общее и специфику естественного движения населения, прежде всего в БССР. Полученные результаты дадут возможность скоррелировать изменения в численности и составе городского и сельского населения при исследовании таких проблем, как миграции, оргнабор, спецпереселения и последствия голода 1932-1933 годов, обусловленных форсированной индустриализацией и принудительной коллективизацией.

Abstract. For the first time in Belarusian historiography on the basis of new archive records the main components of demographic process (birth rate, death rate and a natural increase in population) are considered in dynamics. The comparative analysis of this process on Belarus-Russia-Ukraine border zone materials allows to show with more adequacy and understand general and specified features of natural population movement, first of all in the BSSR. The received results will give a chance to correlate the changes in the city and agricultural population number and structure while researching such problems, as migrations, special migration, and hunger consequences in 1932-1933 caused by the forced industrialization and compulsory collectivization.

Литература

- 1 Араловец, И. А. Городская семья в России, 1927-1959гг. / И. А. Араловец. – Тула: Гриф и К, 2009. – 304с.
- 2 Бароян, О. В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые акту-

- альные вопросы современной эпидемиологии / О. В. Бароян. – М.: Медицина, 1968. – 304 с.
- 3 Батяев, В. Ф. Расселение и этнодемографические особенности белорусских евреев / В. Ф. Батяев // Нацыянальна-дэмаграфічныя працэсы на Беларусі. Зб. навук. прац. / Беларус. дзярж. пед. ун-т; пад рэд. А. А. Кавалені [і інш.]. – Мінск, 1998. – С. 57-76.
- 4 Белорусская ССР / Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ) // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 237.
- 5 Витебская область / РГАЭ // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 547.
- 6 Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сб. док. и матер. / Состав. В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков (ответ. ред.), [и др.]. – М.: РОССПЭН, 2007. – 320с.
- 7 Гомельская область / РГАЭ // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 548.
- 8 Демографическая модернизация России. 1900-2000 / Под ред. А. Г. Вишневского. – М.: Новое издательство, 2006. – 608 с.
- 9 Демографическая ситуация, человеческий и социальный капитал Республики Беларусь: системный анализ и оценка / С. Ю. Солодовников [и др.]; науч. ред. П. Г. Никитенко; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск, Беларусь. наука, 2008. – 424с.
- 10 Дмитриева, Р. М. Снижение смертности в СССР за годы Советской власти / Р. М. Дмитриева, Е. М. Андреев // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. Сб. статей; под. Ред. А. Г. Вишневського. – М.: Статистика, 1977. – С. 28-49.
- 11 Довнар-Запольский, М. В. Народное хозяйство Белоруссии. 1861 – 1914 гг. / М. В. Довнар-Запольский, – Минск: Госплан БССР 1926. – 240с.
- 12 Докладне записки ЦУНХУ Госплана СССР в КПК ЦК ВКП (б) и СНК СССР о конъюнктурном обзоре движения населения СССР за 1930 – 1934, 1936 – 1937 гг. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Фонд 1562. – Оп. 329. – Д. 131.
- 13 Докладные записки ЦУНХУ СССР, ЦК ВКП (б) и СНК СССР о естественном движении населения (рождаемость и смертность) по СРСР и союзным республикам за 1932 – 1937 гг. / РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 329. – Д. 132.
- 14 Докладные записки, статистические данные Управления народно-хозяйственного учета УССР в ЦК КП/б/У о предварительных итогах переписи населения Украины. Письма ЦК КП/б/У обкомам партии о поведении проверки правильности переписи населения // Центральный державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГОУ). – Фонд 1. – Оп. 20. – Спр. 7163.
- 15 Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. – М.: ЦСУ СССР, 1929. – 178 с.
- 16 Жиромская, В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное / В. Б. Жиромская. – М.: РОССПЭН, 2001. – 280 с.
- 17 Житомирская область / РГАЭ // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 530.
- 18 Итоги регистрации актов гражданского состояния по союзным республикам за 1938 г. // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 329. – Д. 196.
- 19 Кабузан, В. М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год: формирование этнических и политических границ украинского этноса / В. М. Кабузан; Ин-т рос. Истории РАН. – М.: Наука, 2006. – 658 с.
- 20 Касперович, Г. И. Миграция населения в города и этнические процессы (на материалах исследования городского населения БССР) / Г. И. Касперович // Под ред. Бондарчика. – Минск: Наука и техника, 1985. – 149с.
- 21 Каспяровіч, Г. І. Беларусы ў XX ст.: Дынаміка дэмаграфічных працэсаў / Г. І. Каспяровіч // Нацыянальна-дэмаграфічныя працэсы на Беларусі. Зб. навук. прац. / Беларус. дзярж. пед. ун-т; пад рэд. А. А. Кавалені [і інш.]. – Мінск, 1998. – С. 7-22.
- 22 Киевская область / РГАЭ // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 533.
- 23 Латышева, В. А. Демографическое развитие Беларуси: историографический анализ / В. А. Латышева // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Філасофія, Псіхалогія, Паліталогія,

Сацыялогія, Эканоміка, Права. – 2006. – №3. – С. 30-35.

24 Могилевская область / РГАЭ // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 551.

25 Население России в XX веке. В 3-х т. / Т. I. – М.: РОССПЭН, 2000. – 463с.

26 Натуральны рух насельніцтва БССР за 1927 г. – Мінск, 1930. – 178 с.

27 Никитенко, П. Г. Демографические проблемы социума: состояние и тенденции развития. / П. Г. Никитенко, А. А Раков. – Минск, 2005. – 308 с.

28 Общие итоги естественного движения населения РСФСР и др. союзных республик за 1938 г. // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 329. – Д. 194.

29 Орловская область / РГАЭ // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 489.

30 Полесская область / РГАЭ // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 552.

31 Польскі, С. А. Нарысы геаграфіі гарадоў Беларускай ССР (1917-1941гг.) / С. А. Польскі. – Мінск: Выд-ва БДУ, 1973. – 136с.

32 Протокол заседания Президиума Совета Национальностей с участием М. Г. Цхакая. 24. 06. 24 – 21. 12. 27. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Фонд 157. – Оп. 3. – Д. 90.

33 Разработочные таблицы ЦУНХУ СССР данных о естественном движении населения (сведения о родившихся и умерших) по республикам и областям СССР за 1933 г. // РГАЭ Фонд 1562. – Оп. 329. – Т. 1. – Д. 16.

34 Раков, А. А. Население БССР / А. А. Раков. – Минск: Наука и техника, 1969. – 224с.

35 Раков, А. А. Белоруссия в демографическом измерении / А. А. Раков. – Минск: Бібліятэка “Голас Радзімы”, 1974. – 224с.

36 Раков, А. А. Демографические основы народнохозяйственного планирования / А. А. Раков; под ред. Л. Л. Рыбаковского. – Минск: Навука і тэхніка, 1990. – 270с

37 Раманава, І. Змены у структуры насельніцтва БССР / І. Раманава // Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917-1945гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. – Мінск: Экаперспектыва, 2006. – С. 285-292.

38 Рудницкий, Е. П. Информационные проблемы изучения динамики городского и сельского населения Украины в 1926-1939 гг. / Е. П. Рудницкий // Миграция и урбанизация населения (на материалах Украины и Польши): сб. науч. тр. / АН Украины, Ин-т экономики; отв. ред. А. У. Хомра, П. Эберхардт. Киев: Наук. Думка, 1992. – С. 129-142.

39 Смоленская область / РГАЭ // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 497.

40 Таблицы динамических рядов ЦУНХУ СССР данных о рождаемости и деиской смертности по СССР, республикам и областям за 1926 – 1939 гг. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Фонд 1562. – Оп. 329. – Д. 256

41 Украина. Статистичний щорічник на 1928 р. – Харків, 1928. – 384 с.

42 Урланис, Б. Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы Советской власти / Б. Ц. Урланис // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. Сб. статей; под. Ред. А. Г. Вишневського. – М.: Статистика, 1977. – С. 8-27..

43 Шахотько, Л. П. Рождаемость в Белоруссии (социально-экономические вопросы) / Л. П. Шахотько. – Минск: Наука и техника, 1975. – 168с.

44 Шахотько, Л. П. Воспроизводство населения Белорусской ССР / Л. П. Шахотько; под ред. А. А. Ракова. – Минск: Наука и техника, 1985. – 128с.

45 Черниговская область / РГАЭ // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 545.

46 Эбэрхардт, П. Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі: 1898 – 1989 / Пер. з польск. Ул. Люкевіч. – Берасьце: Belfort, Беларускі Фонд Сораса, 1997. – 282 с.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ